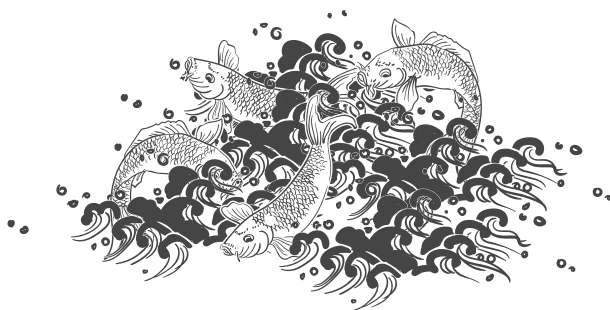

1. Карп, плывущий против течения, может стать драконом

Мичи ненавидела свои пальцы.

«Кто тебе сказал, что из тебя выйдет писатель? Иди делом займись, — внутренний критик Мичи общался ворчливым тоном бабушки. — Я слышала, что даже обезьяна может написать роман, если будет все время колотить лапами по клавиатуре».

«У меня пальцы как у обезьяны, — Мичи растопыривала пятерню и оглядывала по очереди большой, указательный, средний, безымянный и особо неудавшийся мизинец, — короткие и кривые. Хорошо — не волосатые». Образ обезьяны, печатающей книгу за обеденным столом в деревенском доме бабушки,

крепко сросся с моментами прокрастинации, когда Мичи тарашилась в пустоту белого листа. Пальцы лежали на клавиатуре ноутбука и страдали от самобичевания Мичи.

«Кто тебе сказал, что ты писатель?»

Когда Мичи было двенадцать, она собиралась стать мангакой*. В пятнадцать смирилась с тем, что художественным даром природа ее не наделила, больше не терзала скетчбуки и графические планшеты, а решила выучиться на писателя вроде Кобо Абэ или одного из Мураками.

«Вот “Повесть о Гэндзи” — литература. — Бабушка появлялась из-за ширмы непременно с тряпкой в руках — вытирать пыль — или с большим пакетом — собирать лишние вещи для помощи нуждающимся. — “Стон горы” — литература. А ты мусоришь». — И она, забыв, что приготовила пакет вовсе не для мусора, кидала в него исписанные листы, на которых Мичи пробовала первые сюжеты о неразделенной любви или героических свершениях неприметной пятнадцатилетней девочки.

Ко времени поступления Мичи в университет бабушка узнала об обезьянах, пишущих роман, и о том, что во все времена слишком

* Мангака — художник, который рисует мангу.

уж образованные девицы не ценились. И не упускала возможности упомянуть об этом в каждом разговоре с внучкой.

Мичи завидовала одноклассникам — обладателям городских бабушек. Их короткостриженные, занимающиеся кико* пожилые родственницы редко ворковали над внуками: они наслаждались свободой, что давал возраст. Но бабушка Мичи — почтенная Ми-сао — жила в Минамиямасиро**, где человек с рождения до смерти принадлежал земле, и выращивала дайкон. В таких местах жизнь замерла в середине двадцатого века. А в восприятии Мичи время для бабушки и вовсе остановилось на эпохе Эдо***, когда единственной целью простого человека была работа на поле от рассвета до заката, от рождения до смерти. Ни каскады рисовых полей, ни покрытые бархатным лесом холмы, ни аккуратные домики не вызывали в Мичи желания остаться в Минамиямасиро навсегда. От чистого воздуха и постоянных наставлений голова Мичи пухла до размеров бабушкиных редисов.

* Японский аналог китайского искусства цигун.
Букв.: ко — «работа», с Ки — «энергией».

** Село в уезде Сораку префектуры Киото.

*** Время правления клана Токугава (1603—1868).

«Лучше бы музыкой занялась! Девушка, играющая на биве* или кото, почти совершенна. Но литература... Многословие ведет к избытку мыслей, что, в свою очередь, приводит к непокорности», — давила бабушка, и ее подруги, приходившие после полудня пить холодный зеленый чай, наблюдать порхающих над пионами бабочек и вздыхать о скоротечности жизни, умещающейся на опадающем лепестке цветка, соглашались единогласно.

«Женщина должна соблюдать три покорности: в юности отцу, в замужестве мужу, в старости старшему сыну. Лишь старые вдовы, как я, могут рассчитывать на возможность управлять закатом своих дней».

Бабушка принадлежала к поколению данкай, людям-глыбам, поднявшимся из послевоенного упадка. Данкай отличались твердостью духа и давили безвольных потомков непоколебимостью убеждений:

— Выйдет ли хорошая жена из той, кто читает книги чаще, чем муж утренние газеты? Оставь книги мужчинам, внучка.

Последней фразой бабушка подкрепляла аргументы о вредности поглощаемых слов.

* Традиционный японский струнный щипковый инструмент. На биве также играют с помощью плектра — бати.

Мичи отчаянно топила в чашке с золотисто-салатовым чаем отражение студентки Университета Васэда Хирано Мичи, закончившей четвертый семестр на факультете литературы с высшим баллом. Студентка сопротивлялась, озерцо чая отзывалось рябью на праведный гнев. Мичи хмурилась и спрашивала:

— Как же эпоха Хэйан, бабушка? Твоя любимая «Повесть о принце Гэндзи»? Ее написала женщина. Что насчет «Записок у изголовья»*?

Бабушка перекрещивала у груди указательные пальцы. «Не говори, не говори», — значил этот жест.

— Сегодня, к твоему сведению, большинство читателей — женщины. — Жест отрицания возмущал Мичи. — И именно женщины вывели японскую литературу на новый уровень.

— Когда будешь писать, как Таэко Коно, Минако Оба или как эта ваша... — бабушка делала вид, что не может вспомнить имя, — Саяка Мурата, тогда и поговорим.

«Еще бы, — надувалась Мичи, — их ты знаешь!»

— Ты же не читала ничего из того, что я пишу, — замечала она вслух.

* Классика японской литературы, книга писательницы Сэй-Сёнагон, IX–XII века.

— И незачем. Я и так знаю тебя как облупленную, — завершала бабушка разговор.

Вечера почти не отличались друг от друга, Мичи ненавидела деревню даже больше, чем собственные пальцы.

— Поезжай к бабушке, — посоветовала мама, узнав о проблемах с вдохновением.

— Тебе смешно, да? — обиженно спросила Мичи. — Единственное, что я смогу написать у бабушки, — правила поведения идеальной жены.

— Они всегда востребованы, — рассмеялась мама, подставив под локоть очередную порцию жасминового чая и печенье в форме рыбок, их с Мичи любимые. — На удачу.

Мичи поедала рыбок с клубничной начинкой, надеясь, что одна из них принесет на хвосте толковую мысль. Мичи отправила в издательство синопсис будущей книги. Решила испытать судьбу. Прошло полгода томительных ожиданий. Мичи заглядывала в почту по несколько раз в час, уговаривала себя успокоиться, держалась не больше дня и снова обновляла почту в поисках заветного письма. Когда издательство ответило: «Синопсис нас заинтересовал. Ждем рукопись», она не сразу поверила. Осознание пришло медленно и буквально подкинуло в воздух. Мичи прыгала

от радости, целовала маму, кружилась в обнимку с ноутбуком. Засела писать и погрузилась в отчаяние. Сюжет, что она так стройно описала в синопсисе, не желал превращаться в полноценную историю.

На экране чернело название, в душе Мичи строкой пропечатались слова мамы: «свежий воздух, разрядка, бабушкина стряпня», жуткие обезьяньи лапы и проплывающая мимо слава.

— Нет, — отрезала Мичи, и мама рассмеялась.

Мама прятала природную мечтательность и веселый нрав за маской спокойствия и умелыми руками швеи. На швею она выучилась после замужества. В прикроватной тумбочке томился диплом архитектора, а где-то глубоко под ежедневными обязанностями прятались мамины свобода и образность мысли, которые передались Мичи. Естественно, Ми-сао-сан маму не любила. Именно мама удержала бабушкиного единственного сына — отца Мичи — в шумном, высасывающем из людей и жизнь, и человечность Токио. Отправила работать специалистом по кибербезопасности, чтобы он приходил домой как можно позже, бывал в командировках как можно чаще и ленивой жене не приходилось заботиться о муже. Удобно устроилась! Мама поощряла любовь Мичи к сладкому, потакала

желанию колотить корявыми пальцами по клавиатуре и отправила тратить отцовские деньги в университете на бесполезный факультет, вместо того чтобы выучиться на нормальную специальность и присматриваться к потенциальным женихам. Именно мама рассказала Мичи о глупом кафе, где молодые люди сидят, уставившись в экраны ноутбуков, а официанты проверяют, много ли клиенты успели напечатать или нарисовать. Творческое кафе называлось «Манускрипт», располагалось в районе Коэндзи и пользовалось популярностью у тех, кто отлынивал от полезных для общества дел.

Разумеется, маму в деревню никто не звал.

— Тогда поезжай куда-нибудь, отдохни, — предложила мама Мичи, прижавшейся лбом к экрану ноутбука. — Вы же хотели с Нару-тян в горы? Отец не станет возражать, я поговорю с ним. Скажу, что для дипломного проекта тебе необходимо собрать культурологические материалы.

Удивительным образом мама переняла бабушкину привычку доносить до отца решение, а не вопрос. Тот был не против, главное, чтобы его не дергали по вечерам, когда он погружался в мысли о предстоящем рабочем дне.

«В горы с Нару-тян... — размышляла Мичи. — Да, Нару-тян звала в поход в начале лета. Что-то

говорила про глэмпинг у Фудзи-сан. Природа вдохновляет... Там никто не знает, что я писатель. Никто не видел моих пальцев. И никто не станет объяснять, что лучше выбрать кареглазого мужа с первой группой крови, потому что карие глаза выдают человека доброго и заботливого, а первая группа крови одаривает ее обладателя волевым характером. А если не с первой, то со второй группой, чтобы много работал и думал о семье».

— Оу, в горы?! — воскликнула Нару-тян. — Да, я помню. В горы... Заманчиво, конечно, но мы с Юкайо едем в Мияко через три дня. Там лучшие пляжи, ты в курсе?

Нару-тян, державшая телефон так, чтобы в видеокамеру попадала правая, красивая, по ее мнению, часть лица, отвечала медленно, сдерживая рвущееся ликование. Юкайо-сан шел рядом — Мичи видела полоску шеи и точеный подбородок над головой Нару-тян. Подруга даже печально шмыгнула носом, как бы говоря: «Я бы с радостью, Мичи-тян, но Юкайо, гадкий Юкайо, тащит меня на золотой песок к теплым волнам».

— Отлично! — успокоила ее Мичи.

У Нару-тян с пальцами как у пианистки или хирурга — а училась она как раз в медицинском — был кареглазый Юкайо-сан, правда, как вздохнула бы бабушка, с третьей

группой крови, характерной для человека, легко поддающегося влиянию.

— Отлично, — повторяла Мичи, выбирая в системе онлайн-бронирования небольшой отель в горах. Не у Фудзи-сан, подальше. Как можно дальше от бабушки, мамы и Нару-тян. — Отлично, — шептала она как заведенная, читая описания отеля у горячих источников. — Ну а я за одиночество в горах! Куда мне до волн и песка?

Сайт одного из рёканов, что предложила система, обещал Мичи покой и летние травы строками Ямамото Эйдзо:

*Я возведу дом
В этом прекрасном месте
Среди летних трав.
Никто не помешает
Отыскать здесь мой покой!**

Старинный рёкан на склоне гор, в окружении соснового леса располагал четырнадцатью

* Ямамото Эйдзо известен как Рёкан Тайгу. Авторский перевод его стихотворения с английского:

At this lovely spot,
Where summer grasses run wild,
Hindered by nothing,
I shall build a small cottage
And seek a while my own peace.

номерами. Для бронирования были доступны люкс и стандарт.

«Творить надо с размахом, — решила Мичи и забронировала люкс. — Хвойный воздух полезен для легких, уединение отлично подходит имиджу писателя. ОТЕЛЬ с историей вдохновит не меньше, чем природа. И я не так уж и отступлю от маминого плана изучать культуру и историю. Буду бродить по саду, наслаждаться источниками, смотреть с балкона на лес, — замечталась Мичи. — И обязательно упомяну в романе жестокую, старую защитницу традиций, подругу-предательницу и молодого человека с холодными как лед глазами и не определяемой никакой наукой группой крови».

Мичи хлопнула в ладоши. Она выбрала люкс, нажала кнопку «Бронировать». Страница встретила ее синим прямоугольником оповещения: «К сожалению, выбранный вами номер недоступен к бронированию. Приносим извинения и просим рассмотреть другие варианты отдыха в нашем отеле». Мичи издала разочарованный стон, но страница перезагрузилась — выскочило утвердительно-зеленое «Бронирование подтверждено» и окошко для оплаты.

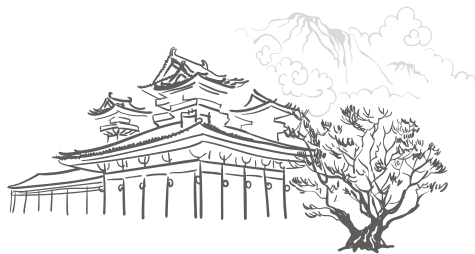
— Сбой какой-то, — хмыкнула Мичи и ввела данные карты. Оплата прошла и тут же прилетело подтверждение: «ОТЕЛЬ “Туманный лес”».

Номер категории люкс. Период проживания: с 11 по 17 августа, шесть ночей. Полупансион».

Мичи свернула окно. Отель прислал на почту ваучер, предложил услугу трансфера с вокзала. Мичи успокоилась: все получилось! Она едет отдыхать не к бабушке! Едет писать. Писать день и ночь. Смена обстановки способствует творчеству.

2. Баклажан на стебле дыни не вырастет

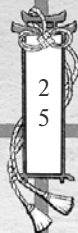
Рюу отметил заявку, поступившую через систему бронирования. Рёкан был забит под завязку, как всегда в середине августа, когда погода в горах радовала уже по-осеннему мягкими днями и звездными ночами. Днем гости рёкана исследовали лес, фотографировали маленькие святилища богов, выглядывающие из травы, отправлялись на экскурсию в ближайший синтоистский храм или к водопадам, расположенным в получасе езды от отеля. Вечерами таяли в водах источников, после возвращались в номера, где ждали обильного ужина. По утрам многие из них снова ныряли в купальни или занимались гимнастикой в саду.

Во время летних каникул приезжали в рёкан семьи. Любопытные, шумные дети ожидали

массу впечатлений, а их уставшие родители изо всех сил пытались расслабиться. Рёкан встречал их прохладой татами и сбрызнутой водой жалюзи, подушками из пеньки и веерами по количеству членов семьи. Осень манила тех, кто особенно ценил гениальность природы и умел наслаждаться многообразием красных и желтых цветов интерьера. Окруженный вечнозеленым бором рёкан вносил осенние цвета в номера, сочетая в икебанах строгость сосновых веток с багряными листьями кленов, рыжеватыми листочками дерева гинкго и серебряными перьями пампасной травы. Зимой горы манили одиночек к горячему саке и неспешным беседам с незнакомцами. Весной у общих бань зацветала сакура, и молодожены прохаживались по розовому коврику лепестков.

Рюу любил свою работу и понимал, как важно чуткое отношение к гостю. В отзывах на сайте отеля часто упоминали его умение предугадывать желания. Рюу знал предпочтения постоянных гостей и быстро улавливал настроение новых. Легко определял, какой гость заехал в рёкан, будут ли с ним проблемы, перейдет ли он в число тех, кто приезжает в рёкан каждый год

— Ты подтвердишь? — Позади Рюу маячил младший брат, Нобуо.

— Номер 103. — Рюу поправил белую прядь, упавшую на глаза. — У нас запрос на люкс.

— Мы не заселяем в 103-й, — напомнил Нобуо. — Почему он отражается в системе? Что ты сделал?

— Не заселяли. — Рюу прищурил серые глаза, сменил статус номера и нажал кнопку «Подтвердить бронь». — А теперь заселяем.

Свободным остался номер стандартной категории.

— Тебе влетит. — Брат заглянул в компьютер через его плечо. — Определенно.

— Свежая кровь всегда кстати. — Рюу потянулся как большой белый кот. — К тому же, если гостю нужен люкс, мы не можем предложить ему номер категорией ниже.

— Бабушка будет рвать и метать, — не унимался Нобуо.

— Разумеется. — Рюу заносил в базу дату заезда в 103-й. — Бабушку ждет веселая неделя.

— Ты же скажешь ей? — удостоверился Нобуо.

Рюу уперся подбородком в сплетенные пальцы, бледное лицо выражало крайнюю степень озабоченности. Рюу умел делать вид, что ему есть дело до мнения родных.

— Пусть будет сюрприз, — сказал он.

— Плохая идея.

Рюу пропустил замечание брата мимо ушей.

«Хирано Мичи. Дата рождения 13 февраля. Токио. Заезжает 11 августа в номер 103, — он изучал бронь. — Ты выбрала отдых в рёкане. В нашем рёкане. В 103-м номере. Тропинка на равнине...^{*} Любопытно».

— Свяжись с ней, старший брат, извинись, предложи стандарт, — настаивал Нобуо, снова заглядывая в экран через плечо Рюу.

— Нет. — Упрямая прядь соскользнула на глаза, Рюу затолкал ее за ухо.

— Это все добром не кончится, — шепнул Нобуо, но Рюу уже поднялся и поклонился: к стойке подошел гость.

Гость из шестого номера жаловался. Рюу слушал.

— Наверху всю ночь шумели. — Постоялец раздраженно постукивал ключ-картой по стойке. — В 103-м.

— Это невозможно, простите, — мягко произнес Рюу. — Номер 103 на третьем этаже свободен. Забронирован на постоянного гостя, и в данный момент в нем никто не проживает.

^{*} Японское имя Мичи (道) — «тропинка, дорога, путь». Фамилия Хирано (平野) — «ровный» + «невозделанное поле; равнина».

— Я слышал голоса! — возмущался посто-
ялец. — И грохот! В футбол они играли там,
что ли? А потом до утра кто-то слушал на-
циональную музыку. Красиво, не спорю, но
невозможно уснуть!

— Номер пустует, — убеждал Рюу. Нобуо
пыхтел рядом, переводя взгляд с гостя на бра-
та, порывался влезть в разговор, удерживался
с трудом. — Как и все правое крыло третьего
этажа. Однако для вашего комфорта мы пред-
ложим другой номер. Естественно, уровнем
выше. Номер четвертый, с индивидуальной
купальней и выходом в сад камней. Уверяю,
вы забудете о любых неприятностях! Кроме
того, сегодня вечером вас ожидает комплимент
от повара. Сожалею о доставленных неудоб-
ствах. Приносим глубочайшие извинения. —
Рюу глубоко поклонился.

Гость, вполне удовлетворенный, отпра-
вился в номер ждать завтрака. В итоге они
всегда оставались довольны. И семьи, и оди-
ночки, и новобрачные обожали Рюу. Стои-
ло молодому администратору с необычной
внешностью улыбнуться — гости забывали
про жалобы. Рюу находил способ разрешить
проблемы. В отеле кипела привычная жизнь.
Мать следила за приготовлением завтраков,
отец — за чистотой купален, бабушка, о ко-
торой все говорили благоговейным шепотом,

считала прибыль. А младший брат паниковал.

— Свободен стандарт, — пробурчал Нобуо, — точно такой, как тот, в котором он проживает.

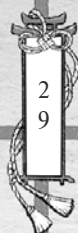
— Я знаю, — ответил Рюу. — Но он останется доволен, поверь.

— Ну да! Ты позаботишься об этом.

— Рёкан трепетно относится к желаниям клиентов. Пора бы и тебе научиться читать воздух.

Нобуо вспыхнул до корней волос. Он явно собирался что-то сказать, но передумал. От Рюу не ускользнуло, как обиженно раздулись ноздри младшего брата. Нобуо засопел, как в детстве. Еще немного — и занял бы: «Бабушка тебя больше любит». И Рюу не смог бы возразить.

При всей своей властности Хакусана-сан позволяла Рюу играть с гостями так, как ему заблагорассудится, лишь бы рёкан приносил прибыль. Она ценила умение Рюу угодить гостю. Старший внук ходил в любимчиках бабушки: ему доставалось больше внимания и больше наказаний. И тут уже не смог бы поспорить Нобуо. Одной рукой Хакусана-сан гладила, другой — карала. Сколько раз бабушка запирала Рюу в подвале, а Нобуо сидел у двери и плакал. Рюу доставалось

и за собственные проступки, и за шалости брата. Теперь, когда бабушка все реже покидала свой кабинет, Рюу игрался в волю. Хакусана-сан богателя, 103-й пока пустовал, гости оставляли благодарные отзывы.

Ваучер программа отослала на указанный почтовый адрес. Сопение Нобуо не подействовало на Рюу.

— Из восьмого выезжают сегодня в 12:00. Поможешь с багажом. — Рюу указал на желтую пометку в программе бронирования, сделал запись о смене девятого номера на четвертый из-за жалобы гостя и оставил ресепшен на надутого Нобуо. Весь день младший брат будет лезть из кожи вон, доказывая, что он прав. Рюу знал, что Нобуо действительно прав, но отступить не собирался.

Постояльцы останавливались, завидев Рюу. Белые волосы, казалось, освещали низкие потолки рёкана. Высокий и широкоплечий, в черном кимоно и штанах хакама* с золотыми полосами, он прекрасно вписывался в атмосферу старинного отеля. Гости поправляли представленные отелем юкаты и неосознанно склонялись перед ним, но он всегда опережал их,

* Длинные широкие штаны в складку, первоначально их носили только мужчины, но сейчас надевают и девушки.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

[Mifbooks](#)

[Mifbooks](#)

[Mifbooks](#)